

355673

Справ. отд.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ УГА НКВД СССР

9

-217

П. СОФИНОВ, Д. ЭПШТЕЙН, П. ЖИБАРЕВ

**НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ
ПОВОЛЖЬЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

1812 года

Второе переработанное
и дополненное издание

ОГИЗ

1942

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Введение

Летом 1807 года, после подписания Тильзитского мира с Россией, Наполеон хвастливо сказал своему брату Люсьену: «Я теперь все могу». Великому полководцу вскружили голову его непрерывные победы в Европе. Придя к власти после французской революции, император Наполеон сохранил «только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»¹. В интересах крупной буржуазии Наполеон вел непрерывные войны в Европе. Блестящий полководец, он выковал за время этих сражений опытную и крепкую армию. Под ее могучими ударами падали одно за другим европейские государства. К 1812 году Наполеон стал хозяином почти всей Европы. Оставались непокоренными Англия, для нападения на которую у Наполеона не было достаточно сильного флота, и Россия, для захвата которой, по мнению Наполеона, он обладал всеми необходимыми средствами. Наполеон не знал России. Он хорошо знал русского императора Александра и пра-

¹ И. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Партиздат, 1937, стр. 8.

355673

86

11-95

вящую дворянскую верхушку, но совсем не был знаком с русским народом. Он думал, что ему придется иметь дело с царем, а ему пришлось встретиться с могучим народным движением.

24 июня 1812 года, без объявления войны, армия Наполеона вторглась на нашу территорию. Огромные силы, сосредоточенные в Пруссии и в герцогстве Варшавском, переправились через реку Неман и быстро двинулись в глубь страны. В начале войны Наполеон имел огромное преимущество как в живой силе, так и в стратегическом отношении. Его армия насчитывала около 600 тыс. солдат и целиком направлялась на Москву. Русские войска на Западном фронте, насчитывающие около 180 тыс. человек, были сведены в три армии, далеко разбросанные друг от друга. Единого командования не было. Командующий первой армией Барклай-де-Толли хотя и осуществлял общее руководство как военный министр, но не обладал официальными правами главнокомандующего.

Французская армия имела также и недостатки. Прежде всего она была многонациональной по своему составу. Наполеон двинул на Россию, помимо своих солдат, войска подвластных ему стран—Италии, Австрии, Пруссии. Такая армия могла держаться только до поры, до времени, пока не встретит крепкого отпора. Далее, эта война, которую вела Франция, являлась войной грабительской, империалистской. Армия, следовательно, защищала неправо дело. В этом была

ее слабость. В отличие от французской, русская армия, хотя и меньшая по численности, была единой, она защищала национальную независимость своей страны и пользовалась поэтому сочувствием и поддержкой всего народа.

Учитывая сильные и слабые стороны французов, Барклай проводил мудрую тактику отступления. Эта тактика была многим тогда непонятна. В августе главнокомандующим русскими войсками был назначен ученик Суворова—Михаил Илларионович Кутузов. Вступив в должность, он продолжал отступление, стараясь сохранить армию для нанесения в удобный момент решительного удара по французам.

Наполеон упорно двигался к Москве. Кутузов понимал, что оставлять Москву без боя нельзя. Народ и армия требовали отпора врагу. Было решено дать сражение у Бородино, в 110 километрах от Москвы.

Бородинское сражение, разыгравшееся 7 сентября, было самым кровопролитным сражением за всю кампанию 1812 года. В бою под Бородино французы потеряли 50 тыс. человек, а русские—58 тысяч. Впоследствии Наполеон писал в своих мемуарах: «Самое страшное из всех моих сражений—это то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми».

После Бородино Кутузов вновь приказал отступать.

14 сентября французы вступили в Москву. Город был пуст. Никто не встречал и не приветствовал императора. Только ночью наполеоновские солдаты поняли, что крылось за страшным безмолвием. Москва неожиданно загорелась со всех четырех сторон. Наполеон стоял у окна кремлевского дворца и с удивлением смотрел на огромное зарево пожара. «Это они сами поджигают,—говорил он в волнении.—Что за люди! Это скифы... Это война на истребление, это ужасная тактика, которая не имеет precedентов в истории... Сжигать собственные города... Какая решимость! Какой народ!»

Да, это была война на истребление. Как только французские войска вступили на русскую землю, народ поднялся на борьбу за свою национальную независимость. Крестьяне не давали французам продуктов. Фуражиры, посылаемые по деревням, или вовсе не возвращались назад или возвращались с пустыми руками. Сотни мелких партизанских отрядов, вооруженные старыми ружьями, кольями, топорами, неожиданно нападали на французских солдат и безжалостно их уничтожали.

Быстрые и неуловимые партизанские отряды Четвертакова, Курина, Дениса Давыдова, Фигнера, Сеславина и других наводили панический ужас на французов. Французское командование несколько раз пыталось договориться с русскими генералами об изменении «образа войны», но всякий раз терпело неудачу.

Русское командование сознательно поддерживало тактику партизанской войны, прекрасно понимая, что только общенародная война может привести к быстрому и окончательному разгрому полчищ Наполеона.

«Великая армия» Наполеона таяла с каждым днем. 18 октября Наполеон отдал приказ об отступлении. Пять месяцев назад в Россию вступила огромная, не знавшая поражений армия, а теперь она панически бежала, оставляя в русских сугробах сотни тысяч трупов. Блестящие наполеоновские солдаты превратились в голодных, оборванных бродяг. После переправы через р. Березину у Наполеона осталось всего 30 тысяч человек. Это были жалкие остатки некогда грозной и казавшейся непобедимой силы.

Большую роль в разгроме наполеоновских полчищ играло народное ополчение 1812 года. Народное ополчение — старинная национальная форма борьбы русского народа против иноземных захватчиков.

Наш народ мирный, трудолюбивый, гостеприимный. Но грозным и беспощадным становится он, когда враг посягает на его честь и свободу. В тяжелые для родины моменты, когда над страной нависала смертельная опасность, весь русский народ поднимался на защиту своей отчизны. Именно в борьбе с иностранными захватчиками создал наш народ особую форму вооруженной защиты — народное ополчение. На врага ополчались всем миром. Сам народ воору-

жал, обмундировывал и снабжал продовольствием своих представителей.

В упорных боях с интервентами народ всегда выходил победителем. Да иначе и не могло быть. Против вторгнувшейся армии неприятеля выступала не одна наша армия, а все население. Какой бы огромной и хорошо оснащенной армией враг ни обладал, он не в силах закрепить за собой захваченной территории. Если бы неприятель попытался это сделать, он должен был бы расплыть свою армию, что означало бы ее полное уничтожение поодиночке. И чем дальше враг проникал в глубь России, тем грознее нависала над ним опасность быть полностью уничтоженным. Известный военный специалист Клаузевиц писал в одной из своих работ: «Чем больше эта поверхность (т. е. территория, захваченная противником.—Авт.) и чем шире соприкосновение между народными массами и неприятельской армией, — следовательно, чем больше последняя распространяется, — тем сильнее воздействие народной войны. Оно разрушает, как медленно тлеющий огонь, основные устои неприятельской армии»¹.

В страхе перед враждебным населением враг, по выражению Льва Толстого, жался в кучку. А это давало возможность легко прерывать коммуникации противника, захватывать вражеские

¹ Клаузевиц. О войне. Т. II., Воениздат, 1941 г., стр. 173.

обозы, нападать на мелкие отряды, уничтожать фуражиров.

В то время как многочисленные партизанские отряды изматывали силы врага, не давая ему покоя ни днем, ни ночью, регулярная армия, совместно с полками народного ополчения, наносила ему удары на фронтах. Много врагов нападало на нашу страну. И все они гибли в бескрайних просторах России. Так было в 1612 году, когда могучее Нижегородское ополчение, во главе с Мининым и Пожарским, обрушилось на интервентов, захвативших Москву; так было в 1812 году, когда война против Наполеона превратилась в величественную народную эпопею.

* * *

Настоящая брошюра ставит своей задачей показать организацию и боевые действия народного ополчения 1812 г. Для того чтобы были яснее роль и удельный вес Поволжского ополчения в общем народном движении 1812 г., брошюра по сравнению с первым изданием дополнена материалом, рисующим создание ополчения не только в Поволжье, но и по другим округам. Расширена также глава о боевых действиях ополчения на фронтах. Для второго издания, помимо документальных материалов саратовского, пензенского, калмыцкого, татарского и чувашского отделов государственных архивов, привлечены также материалы Центрального государственного военно-исторического архива.

I. Формирование народного ополчения в 1812 г.

Вероломное нападение Наполеона на Россию вызвало мощный патриотический подъем в стране. Создание народного ополчения, как резерва и помощника регулярной армии, является результатом этого патриотического движения в народе.

Первые дружины ополчения были созданы в Смоленской губернии по инициативе дворян — братьев Лесли. Как только стало известно о начале войны с Наполеоном, четверо братьев — Александр, Петр, Григорий и Егор явились к своему отцу — отставному генерал-майору Дмитрию Егоровичу Лесли и поделились с ним своими соображениями о создании ополчения для защиты Смоленской губернии. Старик-генерал горячо поддержал предложение сыновей и написал письмо смоленскому губернатору, в котором выразил готовность лично вступить в ополчение, если этого потребуют обстоятельства. Губернатор созвал совещание смоленских дворян для обсуждения поступившего предложения. Дворяне довольно холодно восприняли пламенную речь Александра Лесли. «Как мы смеем жертвовать жизнью других и делать ополче-

ние?»—наивно спрашивал крупный помещик Оленин. Другой дворянин, Прохор Булатов, более откровенно выразил свои сокровенные мысли: «Как давать людей, когда теперь самый сенокос!» — недовольно воскликнул он¹.

Подобное отношение к созданию ополчения было далеко не единичным. Сам царь решился на эту меру только после долгих колебаний. В то время как талантливые русские полководцы Кутузов, Барклай, Багратион и др. обращали огромное внимание на организацию и расширение народной войны, многие дворяне боялись мощного общенародного движения. В «Записках о 1812 году» Сергей Глинка рассказывает, что московский генерал-губернатор Ф. В. Растопчин в ответ на предложение о создании партизанских дружин из крестьян сказал: «Мы еще не знаем, как повернется русский народ»². Принц Голштинский, генерал-губернатор Новгородской, Тверской и Ярославской губерний прямо указывал, что «внутренних вооружений поселян надлежит совершенно избегать, ибо оные могут иметь последствия самые пагубные»³. Александр I также сомневался в том, что крестьяне, получив оружие, не повернут его против помещиков. Опасаясь крестьянских выступлений,

¹ Журнал «Смоленская старина», вып. 2, 1912 г., стр. 338 (отрывки из дневника А. А. Лесли).

² С. Глинка. Записки о 1812 году. СПб, 1895 г., стр. 255.

³ Журнал «Русская старина» № 10, 1884 г., стр. 212.

он предложил направить в каждую губернию по полбатальона солдат регулярной армии (около 300 человек). В письме к своей сестре Екатерине Павловне он писал: «Предположите, что начнется серьезный бунт и что 300 человек будет недостаточно, тогда тотчас же могут быть употреблены в дело полубатальоны соседних губерний».

Эти факты свидетельствуют о том, что царь и помещики боялись вооружить народные массы. Тем не менее в интересах борьбы с огромной армией Наполеона Александр I был вынужден поддержать инициативу народа, поднявшегося на защиту своей родины. 1(13) июля 1812 г. в письме к военному министру Барклай-де-Толли Александр сообщал: «Я решился призвать народ к истреблению врага, вторгнувшегося в наши пределы... Надеюсь, что мы в этом отношении не уступим испанцам».

6(18) июля 1812 г. в лагере близ Полоцка Александр подписал манифест, в котором призывал «собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех». Манифест 6 июля носил общий характер и только смутно намекал на создание народного ополчения. Но независимо от этого в западных и центральных губерниях России стихийно создавались ополченские дружины. Декабрист И. Д. Якушкин впоследствии отмечал, что «все распо-

ряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языков, если бы народ попрежнему оставался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение»¹.

Во время поездки из Полоцка в Москву царь убедился, что народ пришел в движение и что могучий патриотический подъем нельзя не поддерживать. Прибыв в Москву, он подписал 18 (30) июля манифест о создании народного ополчения. «...Составляемая ныне внутренняя сила, — указывалось в манифесте, — не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устрояемое из предосторожности, в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения отечества. Каждый из военачальников и воинов, при новом звании своем сохраняет прежнее; даже не принуждается к перемене одежды и по прошествии надобности, то есть по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою... к прежним своим обязанностям».

Формирование ополчения решено было провести по 16 губерниям России, для чего учреждалось три округа. В первый округ входили Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская и Смоленская

¹ И. Якушкин, Записки, стр. 11, М. 1926 г.

губернии; во второй округ входили Петербургская и Новгородская губернии; в третий округ были включены Казанская, Нижегородская, Пензенская¹, Костромская, Симбирская и Вятская губернии.

Решившись на создание ополчения, русское дворянство не сумело, однако, преодолеть свои узкоклассовые помещичьи интересы. Непременным условием формирования ополченских полков являлось комплектование командного состава исключительно за счет дворянства. А между тем многие дворяне или вовсе отказывались записываться в ополчение или шли туда с большой неохотой. Саратовское дворянство, когда от него потребовали командный состав для Симбирского ополчения, послало вместо выборных представителей—плохо обеспеченных чиновников, служивших в различных губернских учреждениях.

Начальник Симбирского ополчения Тенешиев сообщал по этому поводу саратовскому губернатору: «Саратовские дворяне, поступившие в Симбирское ополчение, все почти сознались мне, что они службу сию продолжают не по выбору почтенного сословия, а по найму за тех гг. дворян, которые остались в домах своих...» Не малая часть дворянства только внешне ратовала о защите отечества. Крупнейшие московские богачи Демидов и кн. Гагарин дали торжественное

¹ Саратовское ополчение входило в ополчение Пензенской губернии и отчасти в Симбирское ополчение.

обещание сформировать по одному пехотному полку из своих крестьян, но так и не выполнили своего обещания. Член пензенского комитета по сбору пожертвований Вигель пишет в своих записках, что пензенские помещики, одевшись в кафтаны ополченцев, считали на этом свою миссию законченной. «Они втихомолку вздыхали не о России, а о своей особе и о своем ларце», — язвительно отмечает Вигель. Многочисленные источники свидетельствуют, что многие дворяне равнодушно относились к судьбам страны, стараясь всячески отойти от общенародного патриотического движения. Князь Волконский имел все основания сказать царю о своем классе: «Стыжусь, что принадлежу к нему. Много было слов, а на деле ничего»¹.

Основную тяжесть борьбы с нашествием Наполеона приняли на себя народные низы:

Крепостные крестьяне, дворовые и ремесленные люди понимали всю глубину опасности, нависшей над родиной. В условиях тяжелого крепостнического гнета они находили в себе достаточно силы, чтобы дать отпор иностранным интервентам. Классовая борьба между крестьянами и помещиками не прекращалась и в период отечественной войны. Но она не шла в противовес с общенародной борьбой против Наполеона. Крестьянство понимало, что в случае победы французских завоевателей оно подвергнется двойному гнету: классовому и национальному,

¹ Сб. «Россия и Наполеон». Стр. 232, 1912 г.

что Россия на долгие годы потеряет свою национальную независимость. Тот же Вигель в своих «Записках» отметил, что «при наборе ратников радость была написана на лицах тех, на коих пал жребий; семейства их, жены, матери осыпали их ласками, целовали, миловали, дарили, чем могли. — «Голубчик, ведь, ты идешь за нас»,—повторяли они»¹. В одном из донесений царю Кутузов сообщал, что крестьяне Калужской и Московской губерний по собственной инициативе создавали отряды, избирали себе предводителей и вели борьбу с наступающим врагом. «С мученической твердостью переносили они все удары, сопряженные с нашествием неприятеля,—пишет Кутузов,—скрывали в леса свои семейства и малолетних детей, а сами вооруженные искали поражения, в мирных жилищах своих появляющимся, хищникам. Нередко самые женщины хитрым образом уловляли сих злодеев и наказывали смертно их покушения; нередко вооруженные поселяне, присоединясь к нашим партизанам, весьма им способствовали в истреблении врага. Можно без увеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами». Князь Волконский в беседе с царем говорил о народе: «Государь, вы должны гордиться им; каждый крестьянин — герой, преданный отечеству».

Крепостнические порядки весьма затрудняли и тормозили создание ополчения. Они сковывали

¹ Вигель. Записки. Ч. IV, 1802 г., стр. 47.

народную инициативу, не давали развернуться могучему движению во всю ширь. Без особого разрешения помещика крепостной крестьянин не мог записаться в ополчение. Когда дворовый помещика Бельского—Евтих Михеев явился в дорогобужское отделение для записи ратников с просьбой зачислить его в ополченцы, дворянские чиновники оценили этот поступок как побег от помещика, и отослали патриота к городничему «для поступления с ним по закону». Нередко крепостные крестьяне тайком бежали от своих помещиков и присоединялись к ополченским дружинам и партизанским отрядам. Это вопиющее противоречие в жизни русского общества возмущало передовых людей страны, в том числе и лучших представителей дворянства. Грибоедов мечтал написать пьесу о 1812 годе, в которой главным героем сделать крепостного крестьянина-ополченца, героически сражавшегося за независимость родины, мечтавшего получить свободу, но вынужденного после войны вернуться в крепостную деревню «под палки господина» и покончить жизнь самоубийством. План пьесы, набросанный Грибоедовым, рисуя трагическую судьбу ополченца, ярко отражал мрачную действительность крепостной России.

И если, несмотря на крепостнический гнет, народное ополчение 1812 года превратилось в могучую военную силу, то этим оно обязано в первую голову бесправному крестьянству.

Формирование ополчения в I и II округах

началось в широких размерах уже в июле 1812 года.

16 (28) июля в Москве, во дворце графа Безбородко, собрались московские дворяне и купечество. На этом собрании с пламенной речью выступил Сергей Глинка. «Ад должно отражать адом», — воскликнул он. — «Я видел однажды младенца, который улыбался при блеске молнии, но то был младенец: мы не младенцы, мы видим и понимаем опасность и должны противоборствовать опасности!» Не ограничиваясь призывом, Глинка первым записался в ополчение. Вслед за ним стали записываться другие. Собрание постановило дать в ратники каждого десятого крепостного крестьянина. В этот же день был избран командующий Московским губернским ополчением. Наибольшее число голосов было подано за Кутузова, вслед за ним шли Ростопчин, Гудович и Морков. Так как Кутузов был избран командующим Петербургским ополчением, Ростопчин назначен начальником ополчения всего I-го округа, а Гудович, по старости, не подходил к этой должности, то выбор пал на Моркова, участника Суворовских походов.

В течение одного месяца в Московской губернии было собрано 25834 ополченца, составившие три егерских, один конный и восемь пехотных полков. Помимо этого графы Дмитриев-Мамонов и Салтыков сформировали по одному конно-казацкому полку. Полк Мамонова получил

знаменитое историческое знамя Дмитрия Пожарского, привезенное из Нижнего Новгорода.

Аналогичная работа проводилась и в других губерниях 1-го округа. Приводимая ниже таблица дает представление о результатах формирования полков по этим губерниям.

Губернии	Количество сформированных полков			Общее число ополченцев
	пеших	конных	егерских	
Московская	8	1	3	25834
Тверская	5	1	—	13301
Ярославская	4	1	—	11112
Владимирская . . .	6	—	—	15056
Рязанская	4	1	2	15918
Тульская	4	2	1	12809
Калужская	5	1	1 батальон	15000
Смоленская	?	?	?	12477
Итого	36	7	7	121537

Организация ополчения в Петроградской губернии проходила под непосредственным руководством героя отечественной войны 1812 года Михаила Илларионовича Кутузова. Вступив 17 (29) июля в должность начальника ополчения, Кутузов развил энергичную деятельность по формированию дружин. По его предложению в

Петрограде было создано два комитета: устроительный и экономический. Первый занимался приемом ополченцев и подбором командного состава, а второй ведал снабжением ополчения оружием, одеждой и сбором пожертвований. Кутузов добился права для этих комитетов сноситься непосредственно с правительственными учреждениями.

В короткий срок в Петербургской губернии было собрано 12985 ополченцев. В отличие от остальных губерний, петербургское ополчение делилось на дружины, построенные по территориальному признаку. Всего было сформировано 15 таких дружин. Помимо этого было создано 2 кавалерийских казачьих полка. Новгородская губерния, входившая в Петербургский округ, выставила 16435 ратников. Таким образом, по 2-му округу ополчение состояло из 23420 человек.

По примеру Московского и Петербургского ополчений проходило формирование ополчения и в 3-м (Поволжском) округе.

Поволжье находилось далеко от фронта. Сюда не долетали звуки пушечной и ружейной стрельбы. Тем не менее население поволжских городов и сел жило единой мыслью со всем народом — скорее изгнать с священной русской земли иностранных захватчиков.

Еще до начала отечественной войны поволжские народы принимали активное участие во всех войнах против Наполеона. Саратовская гу-

берния из года в год посылала своих представителей в армию. В 1809 г. по Саратовской губернии было собрано 1244 рекрута, в 1811 г. — 3022, в 1812 году — свыше 9000. Из поволжских калмыков формировались знаменитые кавалерийские полки.

4 апреля 1811 года указом сената было предложено организовать из калмыков два пятисотенных полка для усиления иррегулярных войск армии. Районами комплектования полков должны были явиться Астраханская, Саратовская и Кавказская губернии, а также частично район войска Донского. Набор в кавалерийские части должен был проводиться по добровольческому принципу. «Наряд сей, — говорилось в указе, — должен быть произведен без всякого принуждения и по доброй воле...»¹.

Каждый конник обязан был иметь обычное свое вооружение и две лошади.

К июню формирование полков закончилось. Первый полк состоял из калмыков Дербетовского улуса, а второй — из улусов Хошеутов и Торгоутов. 22 августа калмыцкие полки под командованием Джамбы Тайши Бундутова и капитана Серебдаба Тюменева прибыли в ст. Пятизбенскую, где были приняты представителями кадровой армии и направлены далее в Воронеж.

В дни отечественной войны против Наполеона набор рекрутов проходил особенно быстро и

¹ Исторический отдел Калмгосархива, фонд I, дело 115, лл. 7, 8.

энергично. Следует отметить, что солдатская служба считалась в тот период самой тяжелой повинностью для крестьян. Мысли о двадцатипятилетнем пребывании в армии в условиях тяжелого казарменного режима вызывали у всех безнадёжность на возвращение домой. Но в момент, когда грозная опасность нависла над родиной, в рекруты шли с сознанием долга перед страной. Многие записывались в формируемые полки добровольцами. Согласно правительственному указу, в июле 1812 года было приступлено к набору 12 новых полков (8 пехотных и 4 егерских). Генерал-майор Русанов, командированный Барклаем в Воронеж для формирования полков, сообщил саратовскому губернатору, что Саратовская губерния должна поставить рекрут для 2-го егерского полка. Формирование полка прошло весьма успешно. Помимо требовавшегося количества рекрут, более 150 саратовцев добровольно поехали в Воронеж для поступления на службу в армию.

Особенно мощный патриотический подъем наблюдался в Поволжье в связи с созданием народного ополчения. В эти дни на устах у всех были славные имена героев русского народа, громивших иноземных захватчиков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина, Пожарского и Суворова, память о которых свято хранил народ. В Краснослободске, Пензенской губернии, священник Фома Меликов призывал своих прихожан вступать в народное ополчение.

«Вот француз взошел в нашу Россию, — говорил он, — везде жгет и грабит, как же нам не ополчиться? Как не вооружиться? Разве вам не жаль, что целые российские города лежат, покрытые пеплом?».

35558

Командующим ополчением 3-го округа был назначен генерал-лейтенант граф Петр Андреевич Толстой, принадлежавший к передовой части русского дворянства. Толстой энергично принялся за организацию Поволжского ополчения. Согласно манифесту 18 июня поволжские губернии должны были «приготовиться, расчислить и назначить людей, но до повеления не собирать их и не отрывать от сельских работ». В связи с этим в июле и августе проводились по всем губерниям подготовительные мероприятия. Толстой лично посетил ряд губерний, проверяя ход подготовки к созданию ополчения. Встретившись с попытками некоторых помещиков выделить в ополчение больных и непригодных к службе людей, он потребовал от начальников губерний тщательного отбора ополченцев. В предписании начальнику Казанского ополчения генерал-майору Булыгину Толстой предупреждал, «чтобы воины оного были совершенно к службе способны, дабы в противном случае не составить лазарета».

В ратники отбирались, как правило, мужчины от 17 до 50 лет, но имелись многочисленные случаи, когда крестьяне старших возрастов или молодежь 16 лет добровольно шли в ополчение.

Балашовский житель 63-летний Петр Гаврилов, участник русско-турецкой войны 1787 года поступил в ополчение добровольцем, водил партию рекрут на фронт, принимая активное участие в изгнании французов из России.

Десятки и сотни добровольцев в губернских и уездных городах осаждали прошениями начальников ополчений, требуя зачисления их в народную армию. Матери ходатайствовали о принятии своих сыновей. Вдова коллежского советника Мария Бутковская писала предводителю дворян Саратовского уезда: «Государственная надобность призывает молодое поколение на защиту нашего отечества. Я имею сына Константина Ефимовича Бутковского; он живет здесь в Саратове, я вас, милостивый государь, покорнейше прошу сына моего в настоящую надобность в Пензенское ополчение к отправлению поместить, о чем ему ныне же дать знать». Студенты Казанского университета с июля начали обучаться фронтовой службе, чтобы всегда быть готовыми немедленно вступить в ополчение.

Дворянские собрания, проходившие по губерниям, (должны были считаться с патриотическим подъемом в народе. Именно этим и объясняется тот факт, что уже в июле—августе во всех поволжских губерниях было намечено определенное количество лиц, выделенных в ополчение. Правда, не везде помещики оказывали одинаковое «усердие». В то время как в Пензенской и

Казанской губерниях выделяли одного ратника от 25 душ, в Саратовской губернии выставляли одного от 50 человек.

В начале сентября 1812 г. начался сбор и формирование ополченских полков в различных городах Поволжья. Из 9356 ополченцев Пензенской и Саратовской губерний было сформировано один конный и 4 пеших полка. Полки стояли в Саранске, Инсаре, Мокшане и Краснослободске.

В Казанской губернии к созданию ополчения были привлечены все слои общества. В те дни, когда еще не было известно, что ополчение потребует даже от такой удаленной от театра военных действий губернии, как Казанская, здесь было решено выставить 3280 ратников, в том числе 280 конных.

Начальником Казанского ополчения был избран артиллерийский генерал-майор Булыгин, сам изъявивший желание служить в ополчении. Булыгин сформировал один пеший полк и один батальон конных казаков. К Казанскому ополчению, как обладавшему в достаточном количестве командным составом, было присоединено немногочисленное Вятское ополчение.

В Симбирской губернии формированием ополчения занимался специальный комитет, избранный 10 августа. В течение месяца было собрано 8870 ополченцев, объединенных в четыре пехотных и 1 конный полк. Симбирское ополчение испытывало большой недостаток в командных

кадрах. В сентябре командующий 3-м округом граф Толстой обратился к саратовскому губернатору Панчулидзеву с предложением о посылке офицеров в Симбирское ополчение. В связи с этим в Симбирск отправились многие мелкие чиновники и младшие офицеры, находившиеся в отставке. Пошли подпоручик Урасланбек Шулепов, житель с. Вязовки, Саратовского уезда, поручик Тебелев, коллежские регистраторы Фофанов, Абутков и Кузнецов, губернский секретарь Юрьев, прапорщики Ритинский, Сеченов и другие, — всего около 20 человек. Позднее командующий резервным ополчением генерал-майор Булыгин запросил дополнительно чиновников для Пензенского ополчения, куда требовалось послать еще 47 офицеров. И снова нашлось много желающих добровольно служить в ополчении. Из Камышинского и Царицынского¹ уездов были посланы штабс-капитан Скуратов, поручик Торолов и подпоручик Катков; из Аткарского уезда — майор Любовцев, подпоручик Агишев и Веденяпин; от Вольского уезда — губернский секретарь Попов, коллежский регистратор Шегаров и многие другие.

Таким образом, значительное число саратовцев приняло на себя командные должности в Пензенском и Симбирском ополчениях.

Наиболее успешно и организованно прошло формирование ополчения в Нижегородской губернии. Когда царский манифест пришел в Ниж-

¹ Входящих тогда в состав Саратовской губ.

ний Новгород, большинство нижегородских дворян находилось на ярмарке в Макарьеве. Не ожидая окончания ярмарки, губернский предводитель дворянства Грузинский выехал туда сам и провел там 25 июля дворянское собрание. Собрание решило сформировать один конный и пять пехотных полков, снабдить их всем необходимым и содержать до тех пор, пока полки не выступят в поход. Огромное влияние на ход формирования ополчения оказал Толстой, постоянно проживавший в Нижнем Новгороде. Кипучая и разносторонняя деятельность командующего 3-м округом поднимала к действию всех окружающих его. В отличие от дворян других губерний, нижегородское дворянство, зараженное примером Толстого, почти полностью записалось в ополчение.

Всего по трем округам было собрано 208662 ополченца. Для того, чтобы превратить ополченские полки и дружины в боеспособные единицы, необходимо было их соответственным образом вооружить. Вопрос о вооружении являлся самым большим вопросом. Если конные полки хотя отчасти были снабжены пиками, то пехотные части почти совсем не имели оружия.

В конце сентября формирование ополчения 3-го округа было закончено. Вместе с резервными частями оно составляло 63705 человек. Распределение по губерниям выразалось в следующем виде:

Губернии	Пехотные части	Конные части	Общее число ополченцев
Нижегородская	5 полк.	1 полк	12462
Костромская	3 полка 1 бат.	1 полк	10519
Пензенская (вместе с Саратовской)	4 полка	1 полк	9356
Симбирская (вместе с Саратовской)	4 полка	1 полк	8871
Казанская (вместе с Вятской)	1 полк и 1 бат.	1 полк	2977
Резерв всего округа	—	—	19520
Всего	18 полк. 1 бат.	5 полк.	63705

Энергичную деятельность по вооружению своих полков проявлял Кутузов. 23 июля 1812 года Кутузов просил военного министра А. И. Горчакова: «Чтобы 10000 ружьев из находящихся здесь в арсенале поступили в формируемое здесь ополчение», настаивая на том, чтобы ружья эти «как скорее можно назначены были в отпуск чиновнику, который для приема оных от экономического комитета ополчения имеет быть наряжен»¹. Только благодаря на-

¹ «Исторический журнал» № 10 — 11, 1941 г., стр. 119, статья Л. Бычкова.

стойчивым требованиям Кутузова. Петербургское ополчение было снабжено ружьями из Петроградского арсенала.

Хуже обстояло дело во втором округе. РаSTOPчин, считавшийся командующим 2-м округом, занимался больше болтовней о «защите отечества», чем серьезной боевой подготовкой своих воинов. Губернские ополчения были предоставлены сами себе и вооружались по собственной инициативе. После назначения главнокомандующим русской армии Кутузов обратил серьезное внимание на Московское ополчение. В письме к РаSTOPчину он писал: «Ираклий Иванович Морков (начальник московского губернского ополчения. — Авт.) извещает меня, что уже 11 полков военного Московского ополчения выступили к разным пунктам. Для сего надежного оплота желательно было бы иметь ружья с принадлежностями, и я, усмотрев из ведомостей, вами при отношении ко мне приложенных, что в Московском арсенале есть годных 11945 ружей и с лишком 2000 мушкетов и карабинов, да требующих некоторой починки ружей, мушкетов и штуцеров слишком 18000, покорно просил бы вас теми, какими вы заблагорассудите, приказать починкою исправить, а я как о сих, так и о первых узнаю от военного министра, буде не назначено им другого какого-либо употребления, может быть употреблю на ополчение...»¹.

¹ Там же, стр. 120.

Большое внимание вопросам вооружения ополченцев уделял командующий Поволжским округом граф Толстой. Прежде всего он предложил мобилизовать по губерниям все внутренние ресурсы. Жители губерний были призваны к сдаче оружия. Вскоре жители Пензы преподнесли своему ополчению четыре пушки. Саратовцы собрали по своей губернии 12 чугунных пушек, 351 ружье, 51 пистоль, 754 пика с древками и 2075 без древков. Предводителю нижегородского дворянства Грузинскому Толстой поручил закупить на макарьевской ярмарке необходимое оружие на средства, собранные специально для этой цели. Однако добровольные пожертвования оружием не могли удовлетворить потребности 60-тысячного поволжского ополчения. В сентябре 1812 г. Толстой обратился к царю с прошением выслать ему хотя бы 10000 ружей для вооружения 4 батальонов, которые бы прикрывали колонны ратников, вооруженных одними пиками. Спустя месяц, Толстой обратился с аналогичной просьбой к главнокомандующему действующей армией Кутузову. Он докладывал, что поволжское ополчение обладает достаточным количеством воинов, обученных обращению с ружьем. Обучение это проводилось с помощью устаревшего и неисправного оружия, взятого из губернских цейхгаузов. После получения боевого оружия Толстой намеревался во время похода приучить к действию ружьем всех остальных опол-

ченцев. Тогда ополчение, хотя и не полностью вооруженное, «будет в состоянии, — по словам командующего, — действовать против неприятеля...».

Наряду с просьбой о присылке ружей, Толстой просил придать к ополчению 3-го округа артиллерию и хотя бы два конных полка. Кутузов, лучше других понимавший нужды народного ополчения, удовлетворил просьбу Толстого, и вскоре поволжские ополченцы получили 10000 ружей из Нижнего Новгорода и Тулы и артиллерию. В подкрепление ополчения были прикомандированы два конных полка.

II. Всенародная помощь ополчению

Отечественная война русского народа с иноземными захватчиками всколыхнула всю страну. Не осталось ни одного города, ни одного селения громадной России, где бы не проявлялась любовь к родине. В самых глухих, отдаленных уголках необъятной страны весть о вторжении неприятеля на русские земли вызывала в народе готовность встать в ряды воинов. Многочисленные и разноязыкие племена России, не взирая на различие нравов, обычаев и наречия, несмотря на тяжелый гнет царизма, слились в едином порыве для борьбы с общим ненавистным врагом. Тысячи подвигов простых людей сопровождали эту борьбу. Подвиги воинов на полях сражений перекликались с подвигами лю-

дей, находящихся в тылу и проявляющих свой патриотизм в самых различных формах помощи отечеству.

Замечательным проявлением народного патриотизма является добровольное пожертвование средств, сбор вооружения, амуниции, тягловой силы и продовольствия для нужд армии и народного ополчения.

Много любви и инициативы проявлял народ в организации помощи отечеству в те дни, когда над ним нависла серьезная опасность.

Летом 1812 г. кампания сбора средств на военные нужды развернулась особенно широко. По всем губерниям России проходили собрания горожан и селян, выносившие постановления об оказании помощи ополчению.

Для проведения всей этой работы в губерниях создавались специальные комитеты, которые собирали многочисленные добровольные пожертвования, хранили их и выдавали по требованию начальства.

Трудно точно вычислить общую сумму пожертвований деньгами, оружием и вещами по всем 16 губерниям, составляющим три округа ополчения. По приблизительным подсчетам каждая губерния пожертвовала в среднем от 4 до 6 миллионов рублей.

Добровольный сбор средств проходил не только в губерниях, составляющих народное ополчение. Все губернии России, включая и ее далекие окраины, принимали участие в общем деле.

В Астрахани собрали 563000 рублей¹. В Финляндии добровольные сборы, помимо значительного количества хлеба и других продуктов, деньгами составили до 200000 рублей. Далекая Сибирь не отставала от Европейской части России. В Пермской губернии было собрано добровольных взносов 211000 рублей, в Томской — до 120500 рублей, в Иркутской — до 170000 рублей.

Народы Поволжья, охваченные, как и вся страна, единым стремлением скорее изгнать из родной земли иноземных захватчиков, не только отправляли своих сынов на поля сражений, но и оказывали родине всевозможную материальную помощь. Они энергично проводили сбор оружия, аммуниции и средств на приобретение всего необходимого для ополченцев.

На покупку и ремонт оружия летом 1812 г. нижегородцы затратили 16643 рубля.

Жители г. Чебоксары для покупки вооружения внесли в комитет пожертвований к 10 октября 1812 г. 4850 рублей.

Саратовцы, собрав по уездным городам губернии различного рода оружие, к ноябрю месяцу 1812 г. затратили на его починку 1029 руб. 40 коп. Однако оружия было явно не достаточно, и саратовцы возбудили ходатайство перед департаментом горных и соляных дел об отпуске

¹ «Война русского народа с Наполеоном 1812 г.». Спб. 1911, стр. 42.

средств на покупку вооружения. Ходатайство было удовлетворено и требуемая сумма отпущена. Саратовская казенная палата поручила купцу Казанцеву закупить в Екатеринбурге оружие и переслать его в Саратовскую губернию для отправки на фронт. В сентябре 1812 г. 58 пушек были закуплены и с оставшимися деньгами (100000 руб.) отправлены к назначенному месту.

Все шло хорошо, и саратовцы ожидали уже прибытия ценного груза. Но в пути баржу, перевозившую оружие, настигла буря. Получив серьезные повреждения, баржа затонула вблизи Екатеринштадта¹.

Весть о случившемся быстро дошла до саратовцев и подняла немало патриотов для спасения ценного груза. Еще до обращения губернатора, к Екатеринштадту стал стекаться народ, желающий применить свои силы для спасения оружия и денег. Несмотря на холодную октябрьскую погоду и большие трудности, сотни патриотов, не щадя своих сил, работали в холодной воде. Общими усилиями груз, предназначенный для армии, был спасен.

История отечественной войны знает не мало примеров подлинного патриотизма трудового народа, объединенного общим стремлением помочь укреплению родины. Героизм русского народа проявлялся не только на полях сражения, но и в труде, в многочисленных пожертвова-

¹ Ныне Маркштадт.

ниях, которые он отчислял от своего, часто скудного бюджета, на укрепление военной мощи страны.

Собирая из своей среды ополчение для борьбы с врагом родины, народы Поволжья брали на себя обязательство вооружить и обмундировать ополченцев. Казанское ополчение было вооружено силами народа и одето в кафтаны и шаровары, сшитые по определенному образцу, из крестьянского сукна.

В Симбирской губернии было решено, выделив в ополчение «здоровых и крепких сложением» воинов, снабдить их провиантом на три месяца и одеждой по примеру Московского ополчения. Московский образец одежды был принят почти всеми ополчениями. Он состоял из кафтана серого крестьянского сукна и таких же шаровар, русской рубашки с косым воротом, платка на шею, кушака, суконной фуражки и сапог.

Такой костюм лишней раз подчеркивал народный характер ополчения, являющегося большой военной силой, идущей на помощь регулярной армии.

Содержание формируемого ополчения народ также брал на себя. Так например, нижегородцы решили содержать полки на свои средства до тех пор, пока они не будут отправлены на фронт, а затем выделить на их содержание по 1 рублю с души.

Жители Казанской губернии приняли на себя

содержание ополчения на все время его существования.

Жители Сердобского уезда, Саратовской губернии, решили обмундировать своих ополченцев из домашнего сукна и содержать на свой счет в границах губернии, доставляя провиант натурой. «При сем, — говорили сердобцы, — изъявляя ежечасную готовность при встретившихся нуждах в денежной сумме для ратников достаточно обеспечить из собственных наших избытков по мере рвения и усердия вообще всех и каждого из нас на пользу отечества».

Жители Камышинского и Царицынского уездов кроме содержания ополченцев на свои средства решили снабдить ополченцев «всем потребным для служения».

Помимо этого саратовцы приняли на себя обмундирование формируемого в Воронеже в 1812 г. 2-го егерского полка, куда они послали своих представителей. Они же должны были снабдить этот полк обозом, лошадьми и упряжью.

Сбор средств на обмундирование Воронежского полка прошел в губернии с большим успехом, превысив требуемую сумму. Выделенная специально для сбора средств комиссия собрала 12.801 руб. вместо 113908 рублей.

Жители Костромской губернии наряду с содержанием ополчения сформировали и полностью обмундировали 1-й Костромской пехотный полк регулярной армии. На это было затра-

чено 3 миллиона рублей. 2-й Костромской полк был обмундирован силами трех губерний: Пермской, Оренбургской и Казанской. Взносы Казанской губернии были значительно больше взносов других губерний и превысили требуемую сумму на 7250 рублей.

Жители Пензенской губернии принимали участие в обмундировании Тамбовского пехотного полка, на что ими было внесено 138657 р. 91 к.

Подобную же помощь укреплению обороны страны оказывали и другие губернии Поволжья.

На нужды обмундирования армии и ополченцев народ собирал различные вещи, которые перечислялись в специальной инструкции. К ним относились: кивера, сукно, холст, галуны, тесьма, подошвы, темляки и т. п. Сбор этих вещей проходил через губернаторов. Вещи сдавались на хранение командирам внутренних батальонов, а списки собранного сообщались военному министру.

За неимением необходимых для армии вещей, широко проводилось пожертвование деньгами. Обычно в губерниях проводились депутатские собрания, которые определяли сумму пожертвований.

В августе 1812 г. в Казани состоялось собрание депутатов от населения всех городов губернии. Собрание решило собрать необходимые средства для борьбы с врагом, вторгшимся в пределы родины. Купечество должно было внести по 2 копейки с рубля с объявленного на

1812 г. капитала, а мещане — по 2 р. 70 к. с человека, платящего налоги.

В результате этого, за август всеми сословиями Казанской губернии было собрано 95281 р. 50 к. В сентябре эта сумма достигла уже 103260 рублей¹ и была представлена казанскому гражданскому губернатору для передачи по назначению.

Пожертвования Пензенской губернии составили 2475848 р. 62 к. Нередки были случаи, когда суммы взносов, определенные губернскими собраниями, значительно превышались. Много жертвований и довольно крупными суммами было сделано отдельными купцами, представителями дворянства и духовенства.

Так, казанский архиепископ Павел, выступив в июле месяце в соборе с проповедью, в которой призывал население всех сословий к участию в борьбе против всех вражеских «замыслов и покушений», тут же внес 2000 рублей.

В Костромской губернии частными лицами было собрано 102872 р. 86 к. деньгами и 10215 р. золотом в слитках и вещах².

Костромские купцы внесли 100 кусков фландского полотна ценою в 5000 руб., 1005 кусков равендуку на 30150 руб. и 13025 руб. деньгами, — всего на 48175 рублей.

Не только зажиточные слои городского и

¹ Центральный госархив ТАСОСР, ф. № 1, д. № 34, л. 107.

² К. А. Воелский. Костромское ополчение. Стр. 10.

сельского населения Поволжья вносили свои пожертвования на борьбу с врагом, трудовое население также всячески старалось помочь родине. Крестьяне десяти сел Астраханской губернии собрали в августе—сентябре 1812 г. на нужды армии 3102 р. 50 к. Цеховые рабочие Казанской губернии собрали в своей среде 2000 рублей. Ремесленники Саратова внесли от себя 400 руб. От горожан Саратова было внесено свыше 60000 руб., а всего по Саратовской губернии было собрано 401550 рублей.

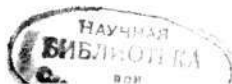
В условиях отечественной войны, когда не было железных дорог, тягловая сила имела исключительно важное значение. Недостаток тягловой силы, который начал ощущаться в ходе войны, восполнялся народными усилиями. По всей стране шел сбор лошадей и волов на нужды армии. В этом деле, как и в других видах помощи, народы Поволжья приняли живейшее участие.

Калмыки шести улусов Астраханской губ. собрали 450 лошадей, 400 быков, 700 голов рогатого скота и 10 тысяч деньгами¹. Татары трех селений той же губернии выделили для армии 330 лучших лошадей.

Перед саратовцами стояла задача собрать на нужды армии 2500 голов тягла и 1000 повозок. Проявляя и здесь высокий патриотизм, саратовцы решили дать сверх разверстки еще 500 во-

¹ Историч. отдел Калмыцкого гос. архива, ф. Астр. губ. правления 1812 г., ф. № 1, д. 111.

355673

лов. Пример саратовцев был поддержан жителями всей губернии. Дворянство Саратовской губ. собрало на покупку строевых лошадей 62000 рублей.

Жители Костромской губернии собрали для конной сотни 660 лошадей с упряжью и для обоза 220 лошадей и 110 телег. Нижегородцы также снабдили своих ополченцев обозом, собрав для этой цели лошадей и телеги. Оказав армии и ополчению помощь сбором лошадей и другой тягловой силы, народ обеспечивал ее прокорм. Обычно те губернии, через которые проходили конники, предоставляли для лошадей пастбища, а там, где его было недостаточно, заготавливали фураж. Городская дума заранее получала извещение о том, когда через данный город будут следовать конные полки, и принимала меры к обеспечению корма для лошадей.

15 августа 1812 г. через город Чебоксары проходил 4-й пятисотенный башкирский полк¹. для которого кроме городского пастбища было срочно заготовлено 36 четвериков² овса и 550 пудов хорошего сена.

Интересной формой заботы народа о своих воинах было создание подвижных магазинов для армии. Такие магазины по 3-му округу были

¹ Чувашархив, ф. № 81, д. 352.

² Четверик — отмененная в СССР с введенном метрической системы единица хлебных мер, существовавшая в России с XVI в. и составлявшая $\frac{1}{8}$ четверти и равнявшаяся 8 гарцам. В переводе на метрические меры четверик был равен 26,239 литра.

созданы в Костромской и Пензенской губерниях.

На средства Костромской губернии был устроен подвижной магазин, состоящий из 400 действующих и 8 запасных двуконных повозок. Для создания магазина кроме выделения повозок, лошадей с упряжью и специальных погонщиков было заготовлено не малое количество продуктов: хлеба в сухарях 600 четвертей, круп 51 четверть, овса 600 четвериков, — общей стоимостью на 12 тысяч рублей.

Когда подвижной магазин был полностью готов, по распоряжению главнокомандующего русской армии кн. М. И. Кутузова он был отправлен к армии. Для этого была выделена специальная сумма в 41000 рублей.

Подвижной магазин, организованный Пензенской губернией, состоял также из 408 повозок. Для него было собрано 900 лошадей и прикомандировано 413 повозчиков. Из продуктов было собрано: сухарей 600 четвертей, овса 600 четвертей, круп 56 четвертей, холст, бинты и т. п.

Пожертвования, которые делал народ на укрепление обороны своей страны, являлись выражением глубоких патриотических чувств, вызванных великой отечественной войной. Эти чувства нередко выливались в помощь жителям, пострадавшим от вторжения неприятеля в пределы их губерний. Особенно пострадали от наполеоновских войск жители Смоленской губернии. Им оказали помощь костромчане, выделив из своих личных запасов 50000 четвертей хлеба.

Широкая и всесторонняя помощь народа своему отечеству в дни тяжелой борьбы содействовала скорейшей победе над ненавистным врагом.

Поволжские ополченцы, сформированные, одетые и вооруженные своим народом, влились в общенародную армию для изгнания с родной земли иностранных поработителей и сыграли свою историческую роль в завоевании победы.

III. Боевые действия ополченцев на фронте

Во второй половине 1812 года в операциях против Наполеона успели принять участие только Петербургское и отчасти Московское ополчение.

Московские ополченцы принимали активное участие в знаменитом Бородинском сражении. 21 августа, по требованию Кутузова, граф Морков направил в распоряжение генерала Левицкого отряд в 1000 человек, на другой день к нему же было направлено еще 1000 воинов. В западную армию влилось около 7 тыс. московских и 3 тыс. смоленских ополченцев. По свидетельству современников, ополченцы оказали существенную помощь регулярной армии в укреплении позиций. «Мы, — писал Барклай-де-Толли, — не нуждались в работниках для укреплений, ибо имели в своем распоряжении от 15 до 16 тыс. ополченцев и множество потребных к тому орудий...». Вместе с этим наличие у русских войск крупных резервов в виде ополчения заставило Наполеона остерегаться пускаться в сраже-

ние свою гвардию. Офицер Болховский писал впоследствии, что «сильные колонны московского ополчения, которые мы имели в резерве позади нашего левого фланга, и которые Наполеон принял за нашу гвардию, внушили ему такую боязнь, что он считал крайне опасным riskнуть в этой попытке своим отборным войском, на которое он смотрел, как на свое последнее средство».

После бородинского сражения 800 ополченцев было определено в артиллерию, а остальные полки влиты в регулярную армию. В приказе по армиям от 30 августа 1812 г. Кутузов извещал: «Московское ополчение, восчувствовав всю важность настоящего положения, яко верные сыны отечества, представили себя в ряды с нашими храбрыми войсками. О таковой важной жертве доводя до сведения всем армиям, извещаю, что оной слишком 14 тысяч распределены в 1 и 2 западные армии».

Ополченцев других губерний Московского округа первоначально предполагалось использовать для защиты Москвы. Но в связи с решением оставить Москву, Кутузов распорядился использовать их для обеспечения соседних губерний от вторжения неприятеля. С этой целью тверское ополчение расположилось между Клином и Тверью, прикрывая дорогу на Петроград; Ярославское, выступив к Переславль-Залесскому, охраняло Ярославскую дорогу; Владимирское заслоняло путь во Владимир; Рязанское,

расположившись у Коломны, наблюдало за возможным движением в сторону Рязани и через Егорьевск на Касимов; Тульское заняло линию от Каширы до Алексина, а Калужское стояло в районах, граничащих с Московской и Смоленской губерниями. Помимо этого 5-тысячный отряд Калужского ополчения был направлен для охраны города Брянска.

Ополченцы тщательно охраняли свои губернии и пользовались всяким удобным случаем для нанесения ударов по французам. В одном из донесений Кутузову начальник Калужского ополчения генерал-лейтенант Шепелев сообщал: «...вверенное мне Калужское ополчение с тех пор, как устроены батальоны, расставлены в назначенные от меня пункты и определены надзору их дистанции, неусыпно действуя, поражают и истребляют не только мародеров, но и партии французских фуражиров, которые наглою алчностью взяли было повадку на уезды Жиздринский, Можайский, Мещевский, Юхновский, Медынский и Боровский, но... редкой из злодеев тех вырывается из рук воинов, казаков и самих крестьян. Успехи сего доказываются великим числом убитых и множеством пленных ко мне с действующих мест доставляемых».

20 сентября отряд калужских ополченцев, под руководством подпоручика Протопопова и прапорщика Савинова, уничтожил два отряда французских фуражиров. Спустя неделю из состава 4-го пехотного полка был выделен отряд

ополченцев, который разгромил французов в д. Потапово, захватив 64 пленных.

В бою под Малоярославцем ополченцы сражались так же героически, как и старые кадровые солдаты. Современник войны 1812 года Сегюр рассказывает в своих воспоминаниях, что на одном из совещаний у Наполеона маршал Боссьер заявил: «Мы только что убедились в недостаточности наших сил. А с каким неприятелем нам придется сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?»¹ Маршал предложил отступить, и Наполеон молча согласился с ним.

Петербургское ополчение было направлено на фронт в сентябре. Первая группа выступила из Петрограда 3 сентября и прибыла в пункт назначения — Себеж 25 сентября. К этому же времени сюда прибыли 2 тыс. воинов Новгородского ополчения. Вторая группа, выступив 5 сентября из Петрограда, направлялась в Великие Луки для объединения там со второй колонной Новгородского ополчения¹. Обе группы были включены в состав корпуса графа Витгенштейна, получившего вскоре задание занять город Полоцк.

Ополченцы двигались по грязным, размытым дождями дорогам с ранцами на плечах. На мар-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3447, л. 22 и оборот.

шах соблюдалась строгая дисциплина, а во время дневок производилось учение. Несмотря на тяжелый путь, отстающих не было, и ополченцы бодро шли навстречу будущим боям.

По дороге к Полоцку встретились ополченцы с партизанским отрядом Непейцина. За двадцать лет перед этим, во время штурма Очакова, у полковника Непейцина ядром оторвало ногу. Два десятилетия прожил старый полковник в отставке, но как только армия Наполеона появилась на русской земле, он организовал партизанский отряд и ушел в лес. Обращаясь к ополченцам, полковник сказал: «Вот, ребята, я и без ноги, а уже успел поколотить злодеев; постарайтесь и вы хорошенько!»—«Не бойсь,—хором ответили ратники,—не положим на руку охулки».

И ополченцы сдержали свое слово. В боях под Полоцком петербургские дружины показали исключительное мужество и героизм. Современник отечественной войны 1812 года, генерал Михайловский-Данилевский писал о сражении под Полоцком: «В сражении 6-го октября петербургское ополчение было впервые в огне и ознаменовалось храбростью и любовью к отечеству. Начальники и офицеры хотя большею частью были из гражданской службы, но являли прекрасные примеры соревнования, друг перед другом кидаясь в опаснейшие места. Истекая кровью, раненные не хотели оставлять поля сражения; другие при последнем издыхании кричали дружинам: «Вперед! Ура!». Ратники не уступали офи-

церам. Сбросив с себя полушубки и кафтаны, стрелки выбегали из цепи, устремлялись на неприятеля, дрались прикладами и топорами»¹.

Ночью 7 октября русские войска вплотную подошли к городу. Группа солдат штурмовала Полоцк с западной стороны. Для того чтобы отсюда ворваться в город, нужно было захватить мост через р. Полоту, протекавшую в глубоком овраге. Сам мост примыкал к городскому въезду, прорытому в высокой горе, и защищался батареей, установленной на вершине горы, и стрелками, расположенными у ее подножия. На штурм моста пошла 12-я петербургская дружина Николаева. Группа ополченцев, не взирая на холодную осеннюю воду, спустилась в овраг, перешла вброд Полоту и с криком «Ура!» — бросилась на французов. Другая группа ворвалась на мост и, прокладывая путь штыками и топорами, первой вошла в город с запада. Солдаты маршала Сен-Сира не выдержали удара русских ополченцев. Воины ополчения, «мужики с длинными бородами», как называл их Сен-Сир, вооруженные пиками и топорами, обратили в бегство прославленных французских солдат. Командир корпуса доносил царю: «Изумленный неприятель бежал в беспорядке к своим местам, но только жалкая часть из оставшихся в городе могла спастись, прочие были поражаемы штыками или взяты в плен. Город Полоцк, укрепленный неприятелем с

¹ А. И. Михайловский-Данилевский. Полное собрание сочинений, т. V, 1850, стр. 305.

большим старанием и защищаемый маршалом Сен-Сиром по особенному на то повелению Наполеона, с искусством и величайшим упорством был взят войсками... после 2-дневного сражения и кровопролитного штурма»¹.

Образцы бесстрашия перед врагом показали ополченцы и в последующих боях. В заграничном походе полки ополчения составляли крупную подсобную силу и использовались, главным образом, для блокады крепостей, занятых французскими гарнизонами.

Заграничный поход Александра рассматривался нашей исторической литературой как поход реакционный. Однако не подлежит сомнению тот факт, что если бы разбитая в России армия Наполеона не была окончательно уничтожена во время заграничного похода, а Пруссия, Австрия и Италия не были бы освобождены от наполеоновского гнета, то очень скоро Наполеон снова стал бы угрожать России. С этой точки зрения поход за границу нельзя рассматривать только как реакционный. Реакционный режим, установленный в Европе после свержения Наполеона, является следствием не героических побед русских войск, а реакционности самого самодержавного строя, который в этот период господствовал в большей части Европы. Разумеется, что русские солдаты и ополченцы не могут нести ответственность за политическую систему

¹ В. Р. Апухтин. Народная военная сила. Т. I, стр. 97. (документы).

правления, существовавшую как в России, так и в Пруссии и Австрии. Героические же действия ополчения во время заграничного похода представляют огромный интерес, но они вовсе не находили отражения в советской исторической литературе.

В походе 1813 года принимали участие ополченцы 1-го и 3-го округов. При этом наибольшую активность проявляли полки поволжского ополчения, которые участвовали в блокаде крепостей Дрезден, Глогау, Магдебург и Гамбург.

В начале декабря 1812 года командующий волжским корпусом граф П. А. Толстой получил приказ о выступлении. В предписании указывалось, что после предоставления ополченцам артиллерии и прикомандирования к ним иррегулярных конных полков из Оренбурга, ополчение «уже есть в полном смысле корпус», составленный из разного свойства войск, нужных для сего предмета...»

Ближайшей задачей поволжских дивизий являлась охрана южных губерний России от возможного направления туда отступающего противника. Движение ополченцев, говорилось в предписании Толстому, прикроет «изобильные наши провинции на случай какого-либо неприятельского... покушения в то время, когда регулярные наши армии займутся дальнейшим преследованием неприятеля».

Нижегородская дивизия, при которой находился и командующий корпусом Толстой, высту-

пила в поход в ноябре по маршруту: Нижний-Новгород—Муром—Рязань—Орел—Глухов. По дороге к нему присоединилось Костромское и Рязанское ополчения. Симбирская дивизия и казанские батальоны ополчения выступили в поход в середине декабря. Пензенская дивизия в составе 4 пехотных и 1 конного полка выступила из мест формирования 3 января 1813 года. Жители щедро снабдили ополченцев разнообразными продуктами. С большой любовью провожало население на фронт своих представителей, доверяя им защиту родины.

Стояла суровая русская зима. Мороз доходил до 20 градусов. Дороги были занесены огромными сугробами снега. Батальоны продвигались с большим трудом. Но ополченцы не унывали. Батальонный командир Иван Шишкин организовал хор песельников, среди которых особой популярностью пользовался бывший портной Журавлев. Несмотря на холодный морозный ветер, он затягивал широкую народную песню, хор подхватывал ее, и скоро весь полк оживлялся и шагал веселее...

Трудный и длинный был путь. Только к лету Пензенская дивизия генерала Титова достигла Украины. Здесь она соединилась с Казанским и Симбирским ополчениями.

На Украине командующий корпусом Толстой получил повеление передвинуть корпус в Волынскую губернию. «Список войскам, идущим в Волынскую губернию под командой генерал-лейте-

нанта графа Толстого», хранящийся в Центральном государственном военно-историческом архиве, дает представление о составе ополчения и маршрутах, по которым они двигались.

	Число людей	Число лошадей
К городам Овручу и Мозырю		
Рязанское ополчение: 6 пеших полков	13200	—
1 конный полк	1200	1200
К Новоград-Волынску		
Нижегородское ополчение:		
15 б-нов пеш.	11250	240
1 конный полк	760	674
Казачий Оренбургский полк	550	880
Казанское ополчение: 5 б-нов пеш.	3250	80
2 конные сотни	320	276
Костромское ополчение: 16 батальонов пеших	10400	256
1 конный полк	760	674
К Старокопстантинову и Заславлю		
Пензенское ополчение: 12 батальонов пеших .		
	7800	192
1 конный полк	760	674
1 башкирский полк	500	750
Симбирское ополчение: 12 батальонов пеших .		
	7800	192
1 конный полк	760	674
14 башкирских полков	7000	10500
	<hr/>	<hr/>
	66310	17262

Если исключить из общего числа ополченцев Рязанское ополчение, не входившее в состав

3-го округа, Башкирские и Оренбургские полки, не являвшиеся ополченскими, — то от Поволжского округа выступило в поход 43860 человек при 3930 лошадях.

Весь поволжский корпус был включен в польскую армию Беннигсена и занимал ее левый фланг. К середине августа корпус сосредоточился в районе Калиш—Плешин—Острово—Кротошин. Дивизия под командованием генерал-майора Муромцева, в составе 1-го, 2-го, 3-го и 4-го нижегородских пехотных полков, Казанского пехотного полка и конного Нижегородского полка с приданными дивизии Башкирским и Уральским конными полками и двумя ротами батареи — располагалась в районе Кротошино. Пензенская дивизия генерала Титова (1-й, 2-й, 3-й пехотные полки и один конный полк), объединенная с Симбирским ополчением (2-й и 3-й пехотные полки и один конный полк), с приданными ей четырьмя башкирскими полками и легкой артиллерийской ротой занимала район местечка Острово. Рязанская дивизия во главе с генерал-лейтенантом Измайловым (три пехотных полка, два конных и два егерских) с двумя ротами легкой артиллерии стояла в районе местечка Плешин. Костромская дивизия генерал-лейтенанта Бурдакова в составе четырех пехотных и одного конного полков, с приданными дивизии башкирским полком и легкой артиллерийской ротой располагалась в районе г. Калиша¹.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3401, ч. I, лл. 7—10.

В конце августа командование армией поставило перед корпусом графа Толстого конкретные боевые задачи.

Часть ополчения в составе четырех пехотных костромских полков, четырех рязанских (1, 2, 4-й пехотные и 2-й егерский) и одного казанского полка была оставлена для блокады крепости Глогау. В помощь ополчению были прикомандированы четыре башкирских, один мешчерский полки и три легкие артиллерийские роты. Другая часть Поволжского ополчения направлялась в Богемиию. Сюда относились следующие части:

1-й, 2-й, 3-й и 4-й Нижегородские пехотные полки.

1-й, 2-й и 3-й Пензенские полки.

3-й пехотный Рязанский полк.

1-й егерский Рязанский полк.

Конный Рязанский полк и
конный Костромской полк¹.

Всего, таким образом, из состава Поволжского корпуса в Богемиию двинулось 9 пехотных и 2 кавалерийских полка.

9 полков Поволжского ополчения, под общим командованием генерал-лейтенанта барона Розена, тесным кольцом обложили Глогау. В крепости засел 10-тысячный гарнизон генерала Лаглана. Город Глогау был искусно укреплен и имел хорошие естественные заграждения. Подход к нему прикрывали Большой и Малый Одеры

¹ Там же, л. 41 и оборот.

и три весьма широких и глубоких рва. Эти препятствия, однако, не остановили ополченцев. Темной ночью полки Костромского ополчения перешли разлившийся от дождей Малый Одер и заняли с. Пфердгиммель, расположенное на высоте, господствующей над местностью. Несмотря на огромные трудности (солдаты переходили реку по пояс в холодной воде, перетаскивая на себе артиллерию), операция прошла удачно. На другой день французы с ужасом и удивлением увидели над своими головами русскую батарею. Выгодная стратегическая позиция, занятая русскими, давала возможность относительно легко разгромить французские укрепления. Но крепость была немецкая, и «союзники» России—пруссакки предпочитали длительную и изнурительную осаду вместо решительного штурма. Осажденный гарнизон изредка делал попытки прорвать блокаду. Наиболее решительная попытка была сделана 29 октября. В этот день против русских позиций Лаглан двинул две колонны по 250 солдат в каждой. Завязалась оживленная перестрелка, в результате которой враг был отброшен назад, а ополченцы подвинулись еще ближе к городу.

После неудачной вылазки генерал Лаглан уже не предпринимал больше попыток вырваться из окружения. Гарнизон его таял с каждым днем. Участились перебежки на сторону русских тех солдат, которые насильственно были посланы на войну. Особенно активно действовали кроа-

ты¹, целыми группами переходившие на сторону русских. В октябре, когда Одер еще не покрылся льдом, они бросались в реку и вплавь добирались до нашего берега. Угнетающе действовали на гарнизоны и сведения о неудачах Наполеона. Сведения эти становились известными французским солдатам из газет, которые разбрасывались ополченцами возле передовых французских постов.

30 марта 1814 года, после шестимесячной осады, Лаглан капитулировал. Характерно, что он до самого последнего момента не верил, что против него выступают не части регулярной армии, а ополченцы.

5 апреля началось разоружение французского гарнизона. Французские солдаты, изучившие боевые качества почти всех европейских армий, отдавали явное предпочтение русской армии. Во время церемонии разоружения французы всячески старались показать, что они сдаются не пруссакам, а русским. Когда первый французский батальон, согласно предварительному расписанию, хотел сложить оружие перед прусской пехотой, батальонный командир скомандовал: «Вперед» и, только поравнявшись с русскими, приказал сдать оружие.

После занятия Глогау поволжские ополченцы простояли в городе до осени 1814 года, когда были возвращены назад в свои губернии. В пос-

¹ Народ славянского происхождения.

лѣднем приказе по войскам генерал Розен писал: «Вы ополчившись... на защиту отечества, на временное служение оному, не токмо оправдали надежду, полагаемую на Вас..., но даже споспешествовали великой и благодетельной его цели. Горя усердием и ревностью, с неутомимым терпением преодолели вы все трудности и, составляя здесь корпус, блокировавший крепость Глогау, во время суровой зимы на биваках, особенным мужеством и деятельностью отражали сильные покушения неприятеля, сбили его передовые посты, овладели ретраншаменстами и другими наружными укреплениями, наконец, принудили к сдаче знаменитую крепость, чем снискали всеобщую похвалу и достойное уважение. Скромным и благонравным поведением своим в земле иностранной заслужили вы от жителей любовь и благодарность».

Вторая часть Поволжского ополчения, вступив в Богемию, прошла здесь дополнительное недельное обучение. В конце учебы был проведен смотр Поволжскому корпусу. Командующий — граф Толстой остался доволен своими войсками. Он поздравил ратников с благополучным завершением похода и предупредил, что враг уже не далеко.

31 августа корпус получил приказ двигаться форсированным маршем к городу Лигницу для последующего наступления совместно с частями польской армии на столицу Саксонии — Дрезден.

Еще совсем недавно здесь находился сам

Наполеон. 25 сентября (7 октября) он покинул Дрезден, оставив в городе 35-тысячный гарнизон маршала Сен-Сира.

Активными действиями польская армия заставила Сен-Сира оттянуть свои передовые посты к самой крепости, но принудить его к капитуляции не успела, так как 30 сентября (12 октября) получила приказ выступить к Лейпцигу, где в это время готовилось крупное сражение. С целью скрыть отход основных сил от Дрездена, главнокомандующий польской армией Беннигсен предпринял ложное наступление, выбив неприятеля из селений Гостриц, Канц и Плауэн. 1 (13) октября из Ауссига к Дрездену подошел Поволжский корпус ополчения графа Толстого и занял позиции, оставленные регулярными частями польской армии.

Согласно журналу военных действий, ополченцы расположились полукругом от р. Эльбы до Плауэнского оврага. При д. Груне стояло три батальона Рязанского пехотного полка, при деревне Лейбниц—пять эскадронов конного Симбирского полка, 3 батальона Казанского пехотного полка и 3 батальона Нижегородского полка. Район между д. д. Плауэн и Пестиц занимали три Пензенских полка и пять эскадронов Нижегородского полка. От этого отряда были выставлены посты в д. д. Шерниц и Рекниц.

3 (15) октября генерал-майор Дядьков во главе трех эскадронов Оренбургского полка занял деревни Корбиц и Бенериц с задачей «наблю-

дать неприятеля как со стороны Мейсена, так и Дрездена и иметь также разъезды по вильсдруфской дороге». На следующий день Дядьков сообщил, что со стороны г. Мейсена показались большие кавалерийские партии неприятеля. Для усиления Дядькова к нему были направлены 10 эскадронов Нижегородского и Рязанского полков. В этот день, однако, столкновения не произошло. Но 5 (17) октября разыгралось сражение, в котором поволжские ополченцы получили первое боевое крещение.

Как ни скрывал Беннигсен отход основных сил от Дрездена, Сен-Сиру стало известно, что блокаду крепости ведут в основном ополченцы. В связи с этим он решил предпринять решительное наступление и прорвать кольцо. Рано утром 5 (17) октября он атаковал четыремя колоннами позиции, занимаемые ополченцами, нанося удар в центр на деревню Рекниц и в обход левого фланга.

Стояло туманное осеннее утро. Передовые посты ополченцев заметили у ворот крепости оживленное движение. Вслед за этим раздались выстрелы французских пушек и белое облако повисло над городом. Неприятельская конница ударила в центр нашего лагеря, стараясь захватить артиллерию ополчения. На левом фланге на ступала колонна пехотинцев. Этот участок прикрывала рота саратовца Юматова. Она занимала королевский сад, имея в качестве прикрытия высокие стены. Наблюдая через проломы в стене

движение противника, Юматов заметил, как колонна французов расступилась, давая возможность действовать своим орудиям. Ядра пролетели в сад, ломая старые липы. Ветки и сучья посыпались на роту саратовцев, ядра разрывались совсем близко, но воины не отступили. Попытки французов ворваться в проломы были отражены пиками и штыками. «Французы лезли уже в проломы, — писал Юматов в своем дневнике, — но наш крик «ура» и выставленные пики с штыками остановили наступающих».

Позиция, которую занимали пензенские полки, была чрезвычайно невыгодной для обороны. В тылу у них проходил глубокий овраг, мешавший свободному маневрированию. Когда французы на центральном участке ворвались в д. Рекниц, создалась реальная угроза окружения всего левого фланга. В силу этого был отдан приказ к отступлению. Юматов отмечает, что «весь наш левый фланг круто завернулся назад, центр тоже далеко был сбит с места, и там, где бивакировал наш полк, неслись неприятельские кирасиры».

Во время отступления в тяжелое положение попал обоз с боеприпасами. Подводы застряли в грязи и к ним уже мчались французские кирасиры. Тогда саратовец Соколов, собрав горсточку храбрецов, преградил им путь. Отбиваясь от наседавшего врага, они дали возможность обозу уйти в безопасное место.

Французы, оттеснив ополченцев с занимаемых

позиций, не сумели развить свой успех, опасаясь попасть в ловушку.

Оценивая сражение 5 (17) октября, следует отметить, что поволжские ополченцы показали себя в этом бою храбрыми и выносливыми воинами. Неудача 5 октября объясняется, с одной стороны, неправильным тактическим расположением войск, а с другой стороны, неопытностью многих ополченцев. Первое крупное сражение, к тому же плохо руководимое командным составом, естественно, вызвало среди них замешательство. Помимо этого необходимо иметь в виду, что оружие ополченцев во многом уступало по сравнению с оружием французских солдат. Саратовцы и пензенцы были вооружены пиками и бракованными тульскими ружьями. От том, что собой представляли эти ружья, можно судить хотя бы по тому, что замки к ложам у них были прикреплены не шурупами, а деревянными штильками и веревочками.

Оправившись от поражения, ополченцы вновь перешли в наступление.

10 (22) октября 1813 г. авангард пензенских полков занял местечко Данау, далеко отбросив неприятеля. Спустя три дня ополченцы заняли деревню Вельшуе, захватив пленных и трофеи. К 17 (29) октября вокруг Дрездена снова сомкнулось железное кольцо. Все попытки французов прорвать эту цепь разбивались о мужественную стойкость поволжских ополченских полков.

Блокада Дрездена проходила в чрезвычайно

тяжелых условиях. Вся местность вокруг была опустошена французскими солдатами, так что очень скоро и ополченцы стали испытывать недостаток провианта. Прошедшие перед этим дожди размыли дороги и затрудняли продвижение обоза. В поисках продовольствия ополченцы нашли несколько десятин неубранного картофеля и капусты, организовали уборку овощей и вскоре получили горячую пищу. Местность, на которой были разбиты огороды, хорошо простреливалась из дрезденской крепости. И как только наши ополченцы появлялись на огородах, французские часовые немедленно открывали по ним стрельбу. Работа в таких условиях была опасна, но ополченцы не обращали внимания на свистящие пули и даже организовали на виду у неприятеля охоту на зайцев. Впоследствии солдаты дрезденского гарнизона признавались, что поведение русских вызывало у них всеобщее восхищение.

Но если тяжело приходилось осаждающим, то еще хуже было осажденным. Не имея возможности прорваться из окружения, они не могли пополнить свои скудные запасы.

30 октября (11 ноября) маршал Сен-Сир вынужден был сдать крепость. Так французский маршал во второй раз капитулировал перед «мужиками с длинными бородами».

Согласно капитуляции, французы должны были полностью разоружить гарнизон и уплатить контрибуцию. 244 пушки и около 36 тысяч ру-

жей достались победителям в качестве военных трофеев. 22 генерала, 1759 офицеров и 33.744 солдата получили «свободный пропуск во Францию, с условием не служить до размена против союзников»¹.

При сдаче Дрездена, как и во многих других случаях, французские солдаты демонстративно показывали, что они сдаются только одним русским. «К русским они не питают ни малейшей ненависти, — писал Селунский, — напротив, уважают народ наш и войска и откровенно в том признаются; австрийцев же явно в глаза ругают и говорят, что они побеждены одними русскими, а ежели бы были одни австрийцы, то они лучше согласились бы умереть с голоду, нежели отдаться им на капитуляцию, называя их подлецами и трусами». «Правду сказать, — замечает Селунский, — они сего достойны. Солдат австрийский, — поясняет свою мысль автор, — горд и груб везде, где видит превосходство свое; но в деле, при малейшем сильном нападении или бежит или отдается в плен».

Честь занятия Дрездена принадлежит русским войскам и в первую очередь Поволжскому корпусу ополчения.

За мужество и отвагу под Дрезденом многие ополченцы были награждены орденами и медалями. Ополченец из Аткарского уезда, ротный

¹ Александр I не утвердил эту капитуляцию, требуя, чтобы весь гарнизон был взят в плен. Сен-Сир принял условия Александра.

командир Владимир Егорович Жедринский был награжден военным орденом, крестьянин Василий Максимов из Царицынского уезда получил серебряную медаль. Иван Дементьевич Соколов за проявленную храбрость при спасении обоза от неприятеля был произведен в поручики. Александр Петрович Маслов получил золотую шпагу с надписью «За отвагу» и т. д.

После двухнедельного отдыха поволжские полки двумя колоннами выступили на север к Магдебургу.

Во время марша на север воинам народного ополчения приходилось неоднократно вступать в бой с французскими войсками. Вблизи Магдебурга Пензенский кавалерийский полк лихим налетом на колонну неприятеля рассеял ее и захватил пушку. Командующий армией Беннигсен отметил это сражение, поставив в пример всей кавалерии. В приказе по армии он сообщал: «Пензенский когно-казачий полк, будучи 27 числа минувшего октября при Магдебурге в деле против неприятеля в виду войск, бывших в сем же действии, пошел в атаку на неприятельскую пехоту, в колонне шедшую, расстроив оную, взял одно орудие; подвиг таковой и отличие сего полка может служить примером кавалерии...»¹.

19 декабря ополченцы выдержали упорный бой под селением Дисдорф, а спустя несколько дней нанесли сокрушительный удар французам у

¹ Труды Пензенской ученой архивной комиссии, кн. 1-я, 1903, стр. 81.

с. Эбендорф. В жаркой схватке французы потеряли более 300 человек убитыми.

2 января 1814 года корпусу графа Толстого было приказано двинуться к Гамбургу. Русское командование разработало план окружения Гамбурга силами регулярных войск ген. Маркова, ген. Дохтурова и дивизиями народного ополчения. 24 января три пензенских полка были переданы генералу Маркову, который направил их вдоль реки Эльбы с целью захвата и уничтожения гамбургского моста. Задача, поставленная перед ополченцами, была чрезвычайно ответственная. Гамбургский мост имел крупнейшее стратегическое значение, так как с уничтожением его все французские войска оказались бы запертыми в гамбургской крепости. Понимая это, и французы и русские вели ожесточенную борьбу за мост через Эльбу. После кровопролитного боя саратовским и пензенским ополченцам удалось занять деревушку вблизи моста. Французы три раза пытались отбить ее, но ополченцы бросались в штыки, и враг откатывался назад с большими потерями. Закрепившись в деревне, ополченцы, однако, не сумели в этот день поджечь мост. Несколько смельчаков подползали к нему, но дерево было сырое и не горело.

5 февраля 3-й полк поволжцев двинулся по льду Эльбы, стараясь незаметно подойти к хорошо охраняемому мосту. Но и эта попытка не удалась. Лед на реке был тонкий и проваливался под ногами. Пришлось вновь войти на берег

и броситься в открытый бой. После упорного боя войска ворвались на мост, подожгли его и захватили более 100 пленных. Задание командования было выполнено. Гамбург, окруженный со всех сторон, вынужден был капитулировать спустя 4 месяца.

В то время как полки Поволжского ополчения оперировали в Богемии, Саксонии и Пруссии, основные силы русской армии, разгромив остатки наполеоновских войск, вступили в Париж. Русская пехота, башкирская и калмыцкая конница промаршировали по блестящим улицам наполеоновской столицы.

Спустя много лет поэт Глинка писал об этом периоде:

Я видел как коня степного
На Сену пить водил калмык,
И в Тюльери¹ у часового
Сиял, как дома, русский штык!

Весть об окончательном разгроме наполеоновских полчищ была встречена в Поволжье всеобщим ликованием. Украшались города и села, по ночам в Саратове, Пензе, Казани, Самаре горели разноцветные иллюминации. На площадях проходили торжественные собрания народа.

В конце 1814 года поволжские ополченцы двинулись к себе на родину. Слава о их подвигах премела по всей стране. Память о герои-

¹ Королевский дворец в Париже.

ческих делах сохранилась в народе до наших дней.

Кровожадный Гитлер, жалкий пигмей по сравнению с Наполеоном, тоже мечтает о мировом господстве. Напав на СССР, он рассчитывал на быстрое и легкое покорение советского народа. О судьбе Наполеона он старался не вспоминать, тем более не думали об этом рядовые фашистские молодчики, которым вообще запрещено о чем бы то ни было размышлять.

Как и в 1812 году, на великую отечественную войну поднялся весь народ. Но если 130 лет назад народ защищал только свою национальную свободу и независимость, то теперь он борется за свою счастливую жизнь, которую он десятилетиями строил в борьбе с многочисленными врагами. Борьба теперь стала еще более непримиримой, еще более ожесточенной. Сопротивление народа во сто крат увеличилось. В этой кровопролитной, невиданной в истории борьбе Гитлер и его бандитская шайка найдут свою гибель.

Отв. редактор И. Фомин. Корректор З. Чуднова.

НГ19849. Подписано к печати 4/V 1942 г. Учетно-изд. л. 2,2.
Печ. л. 2. Знак. в бум. л. 8/000. Тираж 25000. Цена 45 коп.

Саратов. Набрано в типографии изд-ва „Коммунист“.
Отпечатано в типогр. № 1 Полиграфиздата. Зак. № 1820.

